

*А.П. Овчинников**

**БЫТ И ПОЛИТИКА: СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО
И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА БЫТА В 20-е гг. XX ВЕКА
(К ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ)**

Революционные преобразования сферы быта, повседневной жизни людей, осуществленные правительством большевиков в первые полтора десятилетия существования советской власти, представляли собой три особых этапа реформирования российской повседневности, отличавшиеся своеобразием задач, методов и использованных средств. Данный опыт представляет собой определенный интерес в условиях современных реформ с точки зрения технологии постановки целей и разработки методов преобразований.

Продолжающиеся в стране преобразования в социально-экономической и духовной сфере, их цели и применяемые для достижения последних методы и средства принято «по умолчанию» сопоставлять с аналогичными процессами за рубежом. При этом из поля зрения отечественных специалистов совершенно выпадает весьма значительный и многообразный собственный опыт революционных преобразований общества в период с 1917 по начало 1930-х гг., что, как правило, мотивируется иным – во многих отношениях прямо противоположным – вектором общественных перемен. Опыт государственного управления «социалистическим строительством» при таком подходе с очевидностью оказывается невостребованным за полной ненужностью; однако, как говорил Дж. П. Морган, «у всякой проблемы есть два решения – очевидное и настоящее», и в данном случае настоящим решением является выявление государственных технологий социальных преобразований, тех механизмов выработки управленческих решений и определения адекватных поставленным целям методов и средств, их кадрового и идеологического обеспечения, которые привели (или, напротив, не привели) к достижению искомых результатов. Такой опыт, по нашему мнению, является не менее ценным, чем зарубежный, ибо сколь бы значительны ни были перемены, произошедшие в российском обще-

* © Овчинников А.П., 2007

Овчинников Александр Павлович – кафедра государственного и муниципального управления Самарского государственного университета.

стве за последние девяносто лет, мы имеем дело по-прежнему все с той же страной, все с тем же народом и все с той же потребностью в коренных преобразованиях во всем образе жизни, что и в начале XX столетия.

Наиболее спорен и противоречив в этом смысле опыт революционного преобразования бытовой сферы жизни российского общества, поскольку, во-первых, государственная политика в области быта за полтора десятилетия после Октябрьского переворота прошла через три качественно разных этапа (период «военного коммунизма», период нэпа, период первых пятилеток), и во-вторых, различными группами в составе верхнего эшелона партийно-политического руководства страны понималась и отчасти проводилась в жизнь по-разному, в рамках различных интерпретаций самого существа социалистических преобразований, того, что считать их целями, а что, соответственно, средствами.

Интересно и то, что из всех сфер общественной жизни именно бытовая сфера подверглась и в указанный период, и позднее наименьшим переменам; более того, уже в начале 30-х гг. многие предложения по обобществлению быта были охарактеризованы партийно-государственным руководством как «революционно-левацкие перегибы», а И.В. Сталин в докладе XVII съезду ВКП(б) заявил, что «нельзя требовать, чтобы у всех людей были одинаковые потребности и вкусы, чтобы все люди в своем личном быту жили по одному образцу». [1. С. 30]. Между тем на первом этапе преобразований в рамках установки на непосредственный переход к коммунизму последовало принятие СНК РСФСР целого ряда декретов, имевших целью создание единого государственного распределительного механизма в городах, когда каждый гражданин РСФСР в городах обязан был стать членом потребительской коммуны и приписаться к одному из ее пунктов: Декрет СНК от 16 марта 1919 г. «О потребительских коммунах», Декрет СНК от 25 марта 1920 г. «О введении трудового продовольственного пайка», Декреты СНК от 11 октября 1920 г. и 29 ноября 1921 г. «Об отмене некоторых денежных расчетов» и «Об упрощении денежных расчетов», открывавших дорогу полной отмене денег и замене их прямым продуктообменом, Декрет СНК от 4 декабря 1920 г. «О бесплатном отпуске населению продовольственных товаров», Декрет СНК от 17 декабря 1920 г. «О бесплатном отпуске населению предметов широкого потребления». В декабре 1920 – марте 1921 гг. последовали декреты о бесплатном пользовании телефоном, телеграфом, почтой, отмена оплаты жилья, транспорта, электричества, водопровода, канализации, бытового газа, бань, прачечных и починочных мастерских, бесплатном отпуске лекарств по рецепту врача, о бесплатных газетах и журналах, кино. Еще в начале 1918 г. была развернута шумная кампания по вселению рабочих в столицах и губернских центрах в квартиры буржуазии и крупной интеллигенции в центральных районах городов, положившая начало созданию знаменитых «коммуналок», ликвидация которых продолжается до сих пор [2. С. 33-40]. Под руководством ведомств Цюрупы и Ба-

даева в крупных губернских центрах была создана громоздкая система общественных кухонь, где совслужащие отоваривали свои карточки.

Радикальность этих преобразований умерялась скудными материальными и финансовыми возможностями государства, превращавшими, по существу, все указанные декреты в декларации о намерениях. В силу колоссальных различий в уровнях социально-экономического и культурного уровней развития населения города и деревни, промышленных центров и периферии в полной мере продекларированные меры распространялись на население столиц и крупных промышленных центров, которые, по-видимому, рассматривались как полигоны инноваций.

На втором, нэповском этапе, уже в конце 1921 г. была полностью восстановлена плата за коммунальные услуги, транспорт, печать и др. С введением «твердого рубля» и свободы торговли отпала необходимость в дальнейшем существовании системы общественного питания в виде так называемых «фабрик-кухонь», предоставлявших рабочим и служащим пайки в виде готовых обедов и других форм обобществленного быта. Последние сохранились в основном в среде рабочей и учащейся молодежи в виде так называемых «коммун». Их существование лишь отчасти мотивировалось необходимостью нарабатывать опыт коммунизации быта, что подчеркивала в своих статьях Н.К. Крупская [3]; главной причиной их существования открыто называлось скудное обеспечение молодежи.

На третьем этапе, в период 1 и 2 пятилеток, политическим руководством в весьма жесткой форме был положен конец широко развернувшейся дискуссии о коренном изменении быта путем полного преобразования жилой среды, строительства «новых социалистических городов» (Н. А. Милютин, Н. А. Ландовский, Л. М. Сабсович и др.), которые должны вместо старого буржуазно-мещанского жилища дать советскому человеку жилую ячейку, жилище и город, составляющие материальное основание социалистического быта: с освобождением семьи от приготовления пищи, уборки помещений, стирки белья и даже воспитания детей [4. С. 206-209].

Планы социалистических реформаторов жилой среды были охарактеризованы как авантюризм и утопизм, а материальные возможности для осуществления если не самих этих теорий, то какого-то их подобия относили к весьма отдаленному будущему. Вместе с тем в отличие от первого и второго этапов преобразования в быту распространились на деревню, однако в силу того, что сельское хозяйство рассматривалось как источник внутреннего накопления, они не носили глубокого и системного характера, ограничившись разрушением традиционных устоев и внедрением в сельский быт отдельных социокультурных новаций.

Анализ указанных выше этапов преобразования быта позволяет сделать вывод, что на первом этапе (1918-1921 гг.) стратегической целью государственной политики было (конечно, совершенно иллюзорное) преобразование быта на непосредственно коммунистических началах; тактические задачи за-

ключались в том, чтобы в условиях ограниченности материальных ресурсов, направляемых на потребление, предоставить рабочему классу пусть скудные, но зато совершенно бесплатные блага, наглядно свидетельствующие о «завоеваниях революции» и обещающие в перспективе значительно большие блага и возможности. Своеобразной попыткой компенсировать серость бытия были введенные большевиками многочисленные массовые революционные празднества.

Закономерен и интерес к актуальным задачам в сфере преобразования быта, который проявляли в это время ведущие деятели партии и государства – Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Н. Бухарин, А. Коллонтай, Ю. Ларин и другие, выступавшие на бытовые темы в периодической печати (пожалуй, исключением был лишь В.И. Ленин, с нескрываемой иронией относившийся к разговорам о «светлом будущем» и иронизировавший по поводу идеологического значения вопросов о галстуках и ширине брюк).

На этапе нэпа проблемы перестройки быта во многом утратили актуальное значение; косвенным подтверждением этого было и то, что, как подметил М. Н. Борисов [5], в этот период на бытовые темы в коммунистической печати выступают государственные и партийные руководители «второго эшелона» – Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Н. А. Семашко, Е. М. Ярославский и т.п.

Достижения первых пятилеток актуализировали дискуссию о новом быте ввиду открывающихся возможностей, связанных с высокими темпами индустриализации. Однако революционный угар по истечении времени схлынул, вышший и средний эшелон партийно-государственного руководства смог к этому времени вполне ощутить преимущества благоустроенного на вполне буржуазный манер быта руководящих работников, и участие в дискуссиях о революции в быту принимали почти исключительно архитекторы и градостроители, академические ученые и вузовские преподаватели марксизма-ленинизма. Сам статус участников дискуссий на разных этапах свидетельствовал о постепенном, но неуклонном падении интереса у государственного руководства к перестройке этой сферы общественной жизни. По-видимому, это была и личная позиция И.В. Сталина, осторожно восстанавливавшего все атрибуты нормального государства; процитированный выше период из его доклада XVII съезду ВКП (б) свидетельствует, как нам представляется, о желании разделить общественную, государственную и частную жизнь, предоставив последний островок в виде домашнего быта.

В исторической ретроспективе постановление ЦК ВКП(б) о левацких перегибах в области преобразования быта можно рассматривать как отложенное решение ввиду настоятельной необходимости сосредоточить материальные и финансовые ресурсы на решении более острых задач индустриализации и перевооружения армии. В 1955–1964 гг., при Н. С. Хрущеве, полемика о новых формах быта была реанимирована, однако попытки того же Хрущева пойти путем развития общественных форм быта не получили поддержки населения (Хрущев замыслил в первоначальном варианте квартиры в знаменитых пяти-

этажках без кухонь – предполагалось, что в ходе строительства коммунизма советские люди, освобожденные от гнета быта, будут питаться на предприятиях общепита; крайне негативная реакция первых жильцов заставила выкроить в домах первой серии крохотные кухни из площади ванных комнат). Вместе с тем в партийном и государственном руководстве всегда были силы, стремившиеся целенаправленно осуществлять системную перестройку быта. Даже в 1970-х годах в качестве экспериментального в Новых Черемушках в Москве было возведено здание так называемого «Дома нового быта», которое предполагалось отдать под заселение рабочими ЗИЛа; поскольку они от этой сомнительной чести отказались, восприняв «Дом нового быта» как гигантскую коммунальную квартиру, здание отдали под общежитие аспирантов и стажеров МГУ [6. С. 44-53].

В ситуации, когда эти силы были ограничены в своих созидательных возможностях, они сделали акцент на разрушении устоев старого быта, и основная энергия разрушения была направлена на две главных несущих конструкции этого быта – религию и церковь и семью.

Религия – как православие, так и иные верования – играла не просто значительную, но поистине огромную роль во всей организации быта населения России. Религиозные обряды упорядочивали день (с молитвы дома или в церкви день начинался в определенное время и ею же в определенное время завершался, не перекрестив лба, русский не садился за стол, не помолившись, не отправлялся в дорогу и т.д.), соблюдение религиозных праздников нормировало трудовую занятость в течение года, деление дней недели на постные и скоромные, соблюдение постов определенным образом организовывало структуру питания, упорядочивало половую жизнь верующих. Вера предъявляла определенные требования в области гигиены, повседневной и праздничной одежды, препятствовала усвоению вредных привычек (пьянства, курения табака, игры в карты – особенно у мусульман, староверов, молокан, духоборов и др.), освящала обычное для традиционного общества почитание старших...[7. С. 62-63 и др.]

Церковь, исполняя обряды крещения и наречения имени, венчания, исповеди, отпевания, занимала особое место в жизни человека, совершенно несопоставимое ни с одним другим социальным институтом.

Слом старого быта был по этой причине невозможен без разрушения веры, выведения человека из-под повседневного влияния церкви. Атака на веру и церковь, прежде всего православную, началась с первых месяцев существования советской власти, достигнув в 20-е годы пика в кампании по изъятию церковных ценностей в соответствии с декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 года и циркулярным письмом В. И. Ленина от 19 марта 1922 г., предназначенным членам Политбюро (рядовым членам партии предназначалась написанная для журнала «Под знаменем марксизма» программная статья «О значении воинствующего материализма»). Однако если разгром церкви удался вполне (в 1917 г. в России насчитывалась более 80 тыс. церквей, а в конце 30-х гг. ос-

талось менее 10 тыс. храмов, были физически уничтожены десятки тысяч священников, монахов и монахинь и других церковнослужителей, а отправление трудоспособным населением религиозных обрядов рассматривалось как вызов господствующей политической идеологии), то длительные попытки очистить новый социалистический быт от влияния религии были далеко не столь успешными. Об этом свидетельствовало и наличие в сельских домах и городских квартирах икон, и устойчивая доля граждан советского государства, посещающих храмы, и в особенности высокая доля лиц, желавших венчаться и крестить детей (число последних даже в периоды массовых гонений на веру и церковь составляло не менее половины семей) [8].

Прочное место, занятое религией и церковью в быту, подтвердило общий вывод о том, что инновации быстрее всего и легче всего пробивают себе дорогу в вещной сфере, сфере материальной культуры. Что же касается духовной жизни, то в ней традиция оказывается самой устойчивой, долго сохраняющей свои позиции. В этой связи нельзя не подчеркнуть то обстоятельство, что вера предков, церковные институты даже для людей неверующих сохраняли свое значение как элементы национальной традиции и культуры (в 1970-е годы это обстоятельство умело использовал в книге «Черные доски», посвященной православной иконописи, известный советский писатель-почвенник В. Солоухин).

Присоединяясь к позиции тех специалистов в области изучения традиции и ее роли в жизни общества, которые считают традицию таковой только при условии присутствия в ней сакрального элемента [9], мы видим в борьбе большевиков с церковью и верой, в том числе, и задачу разрушения традиции как социального регулятора. Не случайно попытки укоренить новую советскую традицию оказались успешными только в распространении воинских традиций, где они прямо перекликались со старой формулой «За веру, царя и отечество».

С разгромом церкви логично увязывалась атака большевиков на семью и брак. Н. Бухарин в одной из газетных статей в 1925 г. с пролетарской простотой заявил, что «в коммунистическом обществе вместе с исчезновением частной собственности исчезнет и проституция, и семья» [10. С. 241]. В. В. Маяковский объявил семейный, обывательский быт «страшнее Врангеля».

Первым шагом на пути разрушения семьи стало принятие 16 сентября 1918 г. «Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве». Ст. 52 раздела II «Брачное право» заявляла: «Только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записи актов гражданского состояния. Порождает права и обязанности супругов, изложенные в настоящем разделе. Брак, совершенный по религиозным обрядам и при содействии духовных лиц, не порождает никаких прав и обязанностей для лиц, в него вступивших, если он не зарегистрирован установленным порядком» [11. С.40].

Советское брачное право открывало небывалые возможности для вступления в брак почти полным отсутствием ограничений (кроме родственников по

прямой и нисходящей линиям и полнородных, и неполнородных братьев и сестер. В брак можно было вступить немедленно после подачи письменного заявления или словесного объявления, а развод осуществить также немедленно после подачи заявления супругов в ЗАГСе или одного из них в местном суде (статьи 85 – 99). Необыкновенная легкость заключения брака и развода привела к тому, что отдельные граждане вступали в браки и разводились по 2 – 3 десятка раз и даже в два брака одновременно в разных городах (знаменитый советский композитор И. О. Дунаевский отреагировал на удивительное брачное законодательство написанием оперетты «Женихи», где в дуэте богатой вдовы и претендента на ее руку называется стоимость заключения брака в ЗАГСе – «три рубля гербового сбора», незначительная по тем временам сумма).

Одновременно с этим советское законодательство освободило от уголовного преследования гомосексуалистов, было зарегистрировано органами власти всероссийское общество «Долой стыд», члены которого демонстративно появлялись на улицах городов в совершенно обнаженном виде, были разрешены пляжи nudистов, аборт и т.п. Только резкое снижение рождаемости в условиях значительной убыли населения в 30-е годы вынудило СНК СССР принять ряд постановлений, ужесточающих законодательство о браке и семье, а в последующем принять несколько постановлений, направленных на повышение заботы государства о детстве и материнстве. Законодательство 1944 г. фактически наделяло правом развода лишь суды второй и третьей инстанции, а закон 1947 г. запрещал браки с иностранцами.

Коммунальный быт большинства городских семей и барачный быт многочисленных новостроек вместе с массивным обличением семейного уюта как крайнего проявления мещанства (своеобразная революционно-демократическая традиция в России) подорвал, но не смог разрушить устои семьи и брака. Переход к принципиально иной государственной политике в области семьи и брака и быта в целом в предвоенный и послевоенный период отечественной истории позволил сравнительно быстро и легко восстановить значение семьи как элементарной клеточки общества и семейного быта, как основной формы организации потребления и одного из устоев общественного порядка.

Изучение опыта государственного управления преобразованием сферы быта и правового регулирования бытовых отношений в период с 1917 по 1934 гг. позволяет сделать вывод, что сохранение в своей основе традиционных форм быта («Остров Быт») в советском обществе было связано, с одной стороны, с недостатком материальных и финансовых ресурсов, необходимых для его кардинального преобразования на началах коллективизма, а с другой с осознанием утопичности первоначальных представлений большевистских теоретиков о коммунистическом быте в ходе непоследовательных и несистемных попыток его преобразования в указанный хронологический период.

Обыденная жизнь народа в силу своей массовости обладает большой инерционностью, и потому для ее сколько-нибудь существенного изменения инновационная деятельность должна продолжаться длительное время. При этом инновациям в духовной сфере должны предшествовать инновации в материальной сфере жизни общества.

Бытовые процессы в разных слоях общества протекают с различной скоростью и могут иметь разнонаправленное течение. Столь же значительно по содержанию, формам и темпам преобразований могут различаться бытовые процессы в центре и на периферии, особенно национальной, в силу чего управление этими процессами должно быть районировано, для чего, в свою очередь, необходима глубокая научная проработка региональных особенностей протекания бытовых процессов.

До сих пор не преодоленное отставание в развитии бытовой сферы жизнедеятельности российского общества, и прежде всего, недоразвитие материальных основ быта, их полноты и комфортности является одним из наиболее существенных факторов отставания российского общества от наиболее передовых в материально-техническом и социокультурном отношении стран мира и своеобразной болевой точкой общественного сознания россиян. Позиция некоторых теоретиков патриотического фланга современного политического спектра России (М. Антонов и др.), рассматривающих бытовую неустроенность в качестве родовой черты русской нации, а бытовое благополучие как причину «паралича для творческого гения народа», выдающая нужду за добродетель, должна быть, наконец, преодолена, а сами творческие силы народа переориентированы с глобальных целей на собственное благоустройство.

Недавний и более отдаленный исторический опыт реформирования российского общества наглядно показывает, что государство может сыграть в преобразовании бытовой сферы первостепенную роль. Наряду с финансовым и ресурсным участием государство, учитывая идеократический характер прежних государственных форм, должно взять на себя информационно-пропагандистское обеспечение процессов реформирования.

Ставшая своеобразной дурной традицией в государственном управлении недооценка значения перестройки бытовой сферы для трансформации российского общества в целом в ходе современных процессов реформирования общества должна быть окончательно преодолена.

Библиографический список

1. XVII съезд ВКП(б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. – М.: Партиздат, 1934.
2. Утехин, И.В. Очерки коммунального быта. 2-е изд., доп. / И.В. Утехин. – М.: ОГИ, 2004.
3. Крупская, Н.К. Важный бытовой вопрос / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения: в 10 т. – М., 1959. – Т.6. – С. 158-159.

4. Крупская, Н.К. Где жить детям в социалистическом городе? / Н.К. Крупская // Педагогические сочинения: в 10 т. – М., 1959. – Т.6.
5. Борисов, Общее и особенное в формировании и развитии социалистического быта. / М.Н. Борисов. – Красноярск, 1984.
6. Зуйкова, Е.М. Некоторые вопросы усовершенствования быта трудящихся в условиях развитого социализма / Е.М. Зуйкова // Вестник Моск. ун-та. Сер.: «Теория научного коммунизма» – 1975. – № 1.
7. Христианство: Словарь / под общ. ред. Л.Н. Митрохина и др. М., 1994.
8. Русское православие: вехи истории. – М., 1989
9. См. работы А. Б. Зубова, С. А. Арутюнова, П. М. Кожина и др.
10. Государственное управление: исторические аспекты. – М., 1997.
11. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917 – 1991 гг. – М., 1997.

Статья принята в печать в окончательном варианте 15.12.2006 г.

A.P. Ovchinnikov

**LIFE AND POLICY(POLITICS): THE SOVIET STATE
AND REVOLUTIONARY REORGANIZATION OF A LIFE
IN 20 YEARS OF 20 CENTURIES (TO PROBLEMS
OF A HISTORY OF THE GOVERNMENT).**

Revolutionary changes , daily life people which have been carried out by the government of bolsheviks in first one and a half decades of existence of the Soviet authority, represented three special stages of reforming of the Russian daily occurrence, distinguished by an originality of problems(tasks), methods and the used means. The given experience represents certain

Interest in conditions of modern reforms from the point of view of technology of statement of the purposes and development of methods of transformations.